

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Последним воскресением зимы
По узким улочкам Замоскворечья,
По тем местам, где вместе были мы,
Пройтись, наружу вырвавшись из тьмы,
И не отчаяться, и не отречься.

Казалось бы, всего на полчаса
Нам стоит оказаться на Ордынке,
И снова ты согласишься в чудеса —
Прекрасна, как весенняя роса
На тоненькой нетронутой травинке.

Часы застыли. Тиканье пружин
Прервалось на последнем обороте.
Я снова жив. Но снова здесь один,
Как будто безраздельный властелин
Всех проходных дворов и подворотен.

Мы знали тайну. В предрассветный час
Они, как музыкальная шкатулка.
Их звук с тобой мы слышали не раз,
И не было волшебнее для нас
Замоскворецких сонных закоулков.

Я не могу поверить, что сюда
Ты больше никогда не возвратишься.
Что я один — невелика беда,
Но нет страшнее слова — никогда,
Из словаря посмертного затишья.

И каждый день, как грешник, по утрам
Я нашему молюсь Замоскворечью.
Брожу по переулкам и дворам
И жду, что небо улыбнется нам,
И ты — нечаянно шагнешь навстречу.

Пейзаж

Полмира объехав без дела,
Поймешь, что полжизни отдашь
За русский пейзаж черно-белый,
Березовый зимний пейзаж.

На дальнем пригорке деревня,
Сороки пустились в полет,
А рядом, меж редких деревьев,
Охотник с собакой бредет.

Петлянье дороги окольной,
Следы лошадиных подков;
И темный шатер колокольни
На фоне сплошных облаков.

Мой друг, путешествий любитель,
Меня перебьет, в простоте.
Он где-то подобное видел.
В Германии? в Польше? в Литве?

Пейзаж этот больше фламандский.
Вот Брейгель, типичный пример.
Подумаешь, кончились краски.
Остались бы уголь да мел!..

В Антверпене не был я в жизни
И спорить теперь не готов.
Но вдруг этот Брейгель Мужижкий
Был родом из наших краев?

Согласен, что это абсурдно.
Но что, если я не один?
Вдруг так же считают подспудно
Датчанин, француз или финн?..

Уютно чернеют домишки,
Со снежной зимою в ладу,
И черную шайбу мальчишки
Гоняют на белом пруду.

* * *

Не спешите меня позабавить.
Жизнь не пишется на черновик;
Что прошло, то спроста не исправить,
Я от смерти пока не отвык.

Сколько раз избегал я страданий,
Без опаски срывая стоп-кран.
Я не верил, ступая по грани,
Что когда-нибудь выйду за грань.

Я смеялся, не подозревая,
Что запущен обратный отсчет,
Что с удачей заигрывал зря я,
И часы сочтены наперед.

Тем бы кончилось, не покажись мне,
Что мой срок не исчерпан до дна
И что грань между смертью и жизнью
Все еще не преодолена.

Я себя распахнул до изнанки,
Чтобы ветер мне в сердце проник.
Я слонялся по людной Лубянке,
Я бродил по Покровке в час пик;

Я стучался к друзьям и подругам
Просто так, чтобы вытравить страх,
Лишь в какой-то немислимый угол
Загоняя себя впопыхах.

Почему свою боль я не смею
Сбросить, как наваждение с плеч?
Почему этой чертовой смертью
Нипочем не могу пренебречь?

Боже милостивый, помоги же,
Дай мне волю молчать и терпеть,
Когда сил не достанет, чтоб выжить,
И отчаянья, чтоб умереть.

ПАРИЖ

Москвою снова правит листопад.
Почти тысячелетие подряд
Усталая листва под ветром сохнет.
Пускай неприятязателен, но храбр, —
Берет палитру с красками октябрь
И сурик густо смешивает с охрой.

День-два — и город тяжело узнать;
Едва ли это можно оправдать
Издержками сезанновского взгляда.
Он был замысловат, лукавый галл,
Но сам себе при этом он не лгал,
И, стало быть, его винить не надо.

Париж всегда был тайной под замком,
И все ж казалось, — нас туда пешком
Вела географическая карта.
Уж за семь лет с тобою как-нибудь
Небрежно мы преодолели путь
От Крымской набережной до Монмартра.

Там тот же листопад во всей красе;
Но все под дебаркадером д'Орсе
Предпочитают черпать впечатленья.
А я, набрев на игроков в шары
На пяточке у сада Тюильри,
Был счастлив, как участник приключенья.

Я смог припарковать «Рено» на спор
У самой базилики Сакре-Кёр,
Как будто выиграл пари на тыщу.
Сведя на полусшепот разговор,
Мы не спеша с тобой прошли в собор,
Кощунственно не подавая нищим.

Перед тобой рассеивалась тень;
Степенно, со ступени на ступень
Ты восходила, словно королева.
И верилось, что мир — неразделим,
И нас хранит Саровский Серафим,
Как нас хранит святая Женевьева.

Через три дня, на праздник Покрова
Нас будет ждать осенняя Москва,
Дождливых улиц дрожь и ветер колкий.
Но вновь Парижем станет воздух пьян,
Когда с тобой нас позовет Сезанн
К Цветаевскому дому на Волхонке.

ВЕНЕЦИЯ

Железная дорога — ferrovìa
(Дословный итальянский перевод) —
Простуженной январской равниной
Опять меня в Венецию везет.

Погода нынче выдалась не очень,
Но, впрочем, я другой не ожидал;
И через мост, ведущий в Санта-Кроче,
Я, молча, перешел Большой канал.

Здесь солнца в эту пору — кот заплакал,
У улочек-каналов бледный вид;
И взвесь из миллиона пресных капель,
Едва колышась, в воздухе висит.

Непрошеному визитеру тошно
По городу бродить в такие дни.
И лишь немного утешает то, что
Погода — настроению сродни.

Но чтоб поездка не пошла насмарку
И было чем похвастаться потом,
Иду через Риальто до Сан-Марко
Обычным туристическим путем.

Вальяжные паломники со стажем
Всех, кажется, немислимых мастей.
И вот уже не раздражает даже
Навязчивая свора голубей.

Пора бежать, пока не утомили
Дурные мысли, невозможный сплин.
Какие дожи?! Господи помилуй!
Когда ты здесь — в Венеции — один!

Меж небом и землей посередине.
Нарочно, что ли? Сам себе назло?
И, как стеклянный шарик в глицерине,
Не вешишь ровным счетом ничего.